

Записка о пребываніи въ Римъ Таракановой.

Извѣстіе

о пребываніи въ Римъ, въ 1774 или 1775 годахъ, неизвѣстной Принцессы Елисаветы, именовавшей себя дочерью Россійской Императрицы Елисаветы Петровны,

почерпнутое изъ оставшихся о ней свѣдѣній въ Архивъ Италіянскаго Департамента бывшаго Польскаго Королевства.

Неизвѣстная Принцесса Елисавета, именовавшая себя дочерью Россійской Императрицы Елисаветы Петровны, сколько можно было узнать, появилась изъ италіянскихъ городовъ прежде всего въ Венеціи въ сопровожденіи Виленскаго воеводы Князя Радзивилла и отправилась вмѣстѣ съ нимъ въ Рагузу, дабы проѣхать потомъ въ Константинополь. Князь и вся свита обходилась съ нею почтительно. Она хранила строжайшее инкогнито предъ частными людьми, но главное намѣреніе ея состояло въ достиженіи всероссійскаго престола, на который она тайно объявила свои требованія при Рагузскомъ Сенатѣ. Сенатъ заблагоразсудилъ отнестись въ С.-Петербургъ къ своему повѣренному, который обо всемъ сообщилъ Графу Павину, а сей поручилъ ему описать въ Рагузу, что нѣтъ нужды обращать вниманіе на сію побродяжку (*avventuriera*). Между тѣмъ наступившій миръ между Россією и Портою воспрепятствовалъ ей продолжать путь въ Константинополь. Князь Радзивиллъ разстался съ нею и поѣхалъ въ Венецію, а принцесса отправилась въ Римъ въ сопровожденіи трехъ Польскихъ дворянъ, перешедшихъ въ ея службу отъ Радзивилла. Поведеніе ея въ Римъ было непонятно и покрыто тайною. Она не бывала ни въ чьемъ домѣ, никто также и ея къ себѣ не принималъ, кромѣ нѣкоторыхъ

Поляковъ; она содержала себя съ довольнымъ великолѣпіемъ и прикрывала настоящее свое происхожденіе съ такимъ искусствомъ, что публика подозрѣвала нѣчто великое, сокрытое въ ея лицѣ и дѣлала на счетъ ея множество разныхъ заключеній.—О ней писано 3 Генваря 1775 года изъ Рима слѣдующимъ образомъ: „Иностранная дама, родомъ изъ Польши, живущая въ домѣ г-на Жуани на Марсовомъ полѣ, прибыла сюда въ сопровожденіи одного Польскаго экс-іезуита, двухъ другихъ Поляковъ и одной горничной служанки. Она платитъ за квартиру по 50 цехиновъ въ мѣсяцъ да 35 за карету; ни съ кѣмъ не имѣетъ знакомства и ѣздитъ прогуливаться въ каретѣ съ закрытыми стеклами. На квартирѣ ея экс-іезуитъ даетъ аудіенцію приходящимъ. Теперь онъ ищетъ для нее двухъ или трехъ тысячъ цехиновъ.“

Многіе начали ее считать обманщицею по причинѣ ея скрытности и безпрестаннаго набиранія долговъ, коихъ не уплачивала. Она истощала всевозможныя средства и хитрости въ Римѣ и внѣ Рима къ полученію денегъ. и, дабы имѣть большій кредитъ, говорила, что имѣетъ за границею великія богатства и много земель въ Германіи, именно же въ Оберштейнѣ, принадлежавшихъ якобы предъ симъ пресѣкшейся фамиліи Графовъ Линанжскихъ, а нынѣ пожалованныхъ ей владѣтельнымъ Курфирстомъ Трирскимъ.

Такова была ея домашняя жизнь; приступимъ нынѣ къ поведенію политическому. Расчисливъ, что можно ожидать пособія со стороны Польши, она тотчасъ по прибытіи своемъ въ Римъ обратилась къ кардиналу Албани, Декану Священной Коллегіи и протектору Польскаго Королевства и просила назначить ей время для свиданія, но такъ, чтобы о томъ публика не была извѣстна. Она послала къ нему письма чрезъ поляка Станишевскаго и чрезъ упоминаемаго выше капеляна своего (Канецкаго), требуя дозволенія видѣться съ Кардиналомъ въ Конклавѣ. Напрасно ее увѣряли, что и самыя почетнѣйшія дамы не могутъ приближаться даже и къ внѣшнему окну Конклава; она не переставала упорствовать въ своемъ желаніи; въ послѣдствіи времени хотѣла даже переодѣться, и едва можно было отклонить ее отъ сего намѣренія. Не находя средствъ переговорить съ нимъ лично, она удовольствовалась перепискою и вскорѣ, познакомившись съ Аббатомъ Рокатани, доставляла письма первому по большей части чрезъ сего послѣдняго. Въ письмѣ отъ 14 Генваря она слѣдующимъ образомъ обнаруживаетъ свои планы: „Наконецъ я рѣшилась объявить себя со стороны Польши и отправиться въ Кіевъ; войска наши въ 50 миляхъ оттуда. Прежде сего я было долго колебалась; мнѣ казалось, лучше отправиться чрезъ Неаполитанскія владѣнія до Тарента, переѣхать въ

Албанію, а потомъ сухимъ путемъ въ Константинополь; ибо нынѣ вся Европа обратила взоры свои на Порту, но съ другой стороны я вижу, сколь нужно пособить Польшѣ.“ При семъ письмѣ препроводила она къ нему собственноручную выписку изъ оставленнаго якобы покойною Императрицею духовнаго завѣщанія, о коемъ не бесполезно будетъ упомянуть здѣсь подробнѣе.

Завѣщаніе сіе состояло въ слѣдующихъ пунктахъ: 1) всероссійскій престолъ оставляется Принцессѣ Елисаветѣ въ вѣчное и потомственное владѣніе. 2-е) во время малолѣтства ея поручается самодержавное управление Голстинскому Герцогу Петру съ обязанностию воспитывать ее приличнымъ образомъ. 3-е) ему же предоставляется право имѣть и носить Императорскій титулъ по смерти; будущій же супругъ Елисаветы исключается изъ сего права и не прежде можетъ воспріять таковой титулъ, какъ по смерти Петра. 4-е) Елисавета будетъ имѣть право назначать членовъ своего совѣта. 5-е) возстановляются прежнія права при ея вступленіи на тронъ; въ войскѣ же она можетъ дѣлать такія учрежденія, какія ей заблагоразсудятся. 6-е) всѣ гражданскія и военныя присутственныя мѣста должны ей давать отчетъ всякіе три года. 7-е) каждую недѣлю будетъ происходить публичная аудіенція; прошенія будутъ подаваемы въ присутствіи Императрицы, на которыя она одна токмо будетъ дѣлать рѣшенія и ей же предоставляется право перемѣнять законы. 8-е) въ совѣтѣ рѣшаются дѣла по большинству голосовъ и мнѣнія онаго утверждаются Императрицею. 9-е) народъ Русскій долженъ стараться пребывать въ мирѣ съ сосѣдственными землями. Императрица отправитъ посланниковъ ко всѣмъ дворамъ и будетъ смѣнять ихъ каждые три года. 10-е) Никто изъ иновѣрцевъ не можетъ получать важныхъ Государственныхъ должностей. 11-е) Совѣтъ будетъ назначать ревизоровъ для осмотра отдаленныхъ областей. 12-е) правители отдаленныхъ областей, какъ то Сибири и проч., будутъ отъ времени до времени доставлять отчеты въ управленіи своемъ; если же учинятъ тамъ какое либо важное открытіе, то сообщать о семъ особому Департаменту въ столицѣ, изъ котораго сіе поступить, по прошествіи трехъ мѣсяцевъ на рѣшеніе Императрицы во время публичной аудіенціи, и потомъ будетъ объявляемо въ продолженіе девяти дней при звукѣ бубновъ на перекресткахъ улицъ. 13-е) Въ Азіатской Россіи должно подѣлать разныя учрежденія, для споспѣшествованія торговлѣ и земледѣлію, и завести колоніи при совершенной вѣротерпимости, но при томъ подъ надзоромъ особыхъ чиновниковъ. 14-е) въ разныхъ мѣстахъ будутъ поселены всякаго рода художники и ремесленники, кои будутъ состоять подъ непосредственною

властію Императрицы. 15-е) всякое новое изобрѣтеніе и открытіе будетъ одобряемо и награждаемо. 16-е) въ каждомъ городѣ учредятся на казенномъ иждивеніи народныя училища. 17-е) училища сіи будутъ осматриваемы духовенствомъ. 18-е) всѣ церкви будутъ содержаться на иждивеніи правительства. 19-е) въ каждомъ уѣздѣ будетъ дѣлано ежегодное исчисленіе жителей, и каждыя три года будутъ посылаемы особые чиновники для собранія сихъ списковъ. 20-е) учредятся двѣ Академіи, гражданская и военная; оныя будутъ одна отъ другой отдѣлены и назначены для воспитанія сыновей гражданскихъ и военныхъ чиновниковъ. 21-е) для подкидышей и незаконнорожденныхъ дѣтей учредятся особыя заведенія, въ коихъ они будутъ воспитываемы и потомъ отдаваемы въ службу, смотря по способностямъ; отличившихся же Императрица можетъ причислить къ законнорожденнымъ съ предоставленіемъ права носить желтую кокарду съ черными краями. 22-е) наконецъ подтверждается всѣмъ вѣрноподаннымъ признавать ее Императрицею—и проч.

Въ письмахъ своихъ къ кардиналу Албани Елисавета объявила требованія свои на всероссійскій престолъ, говоря, что небо назначило ей вѣнецъ для благосостоянія церкви и счастья народовъ. Албани ей отвѣчалъ, что онъ благодаритъ ее за довѣренность, что она можетъ во всемъ положиться на Аббата Рокатани, что истина требованій ея не подлежитъ сомнѣнію и что онъ желаетъ ей возможныхъ успѣховъ. Тогда Елисавета объяснила ему всѣ свои планы; она писала между прочимъ: „Мы имѣемъ преимущество; всѣ народы за насъ; но все бы погибло, ежели бы можно было проникнуть въ наши виды. Я намѣревалась проѣхать въ Константинополь чрезъ Рагузу.—На что мнѣ было рѣшиться въ критическихъ обстоятельствахъ? Я могла лишиться жизни и чести. Надлежало вооружиться мужествомъ и избрать иную дорогу. Всѣ способы истощились; письма мои перехватывали; одно только Провидѣніе укрѣпляло насъ своею силою.—Но, возвращаясь къ главному предмету, ежели только я буду имѣть счастье побѣдить непріятелей, то не премину заключить договоръ съ Римскимъ дворомъ, и употреблю всѣ возможныя средства, чтобы народъ призналъ власть Римской Церкви. Все сіе никому иному неизвѣстно, и я заклинаю васъ хранить тайну“.—Далѣе она говоритъ, что будетъ содѣйствовать Кардиналу Албани въ достиженіи Папскаго престола, и наконецъ проситъ не опасаться, чтобы поль ея измѣнилъ твердости ея намѣреній.

Въ то же время принцесса сія обращалась къ Польскому Министру Маркизу Античи и искала случая съ нимъ объясниться лично, но обстоятельства заставляли его не обращать на то вниманія. Принцесса

писала къ нему письма, изъ коихъ въ послѣднемъ увѣдомляла, что ей должно поговорить объ дѣлахъ, касающихся до Польскаго Короля, и министръ согласился.

Въ личномъ свиданіи съ Античи принцесса сказывала о себѣ, что она дочь Императрицы Россійской Елисаветы, рожденная отъ тайнаго брака ея съ княземъ Разумовскимъ, Гетманомъ Казацкимъ, что воспитана въ Персіи при одномъ изъ родственниковъ сего Князя, что Персидскими деньгами возбудила въ Россіи народное волненіе въ свою пользу, что имѣетъ все средства къ доставленію себѣ успѣха, и что по сей причинѣ желаетъ отправиться прежде въ Берлинъ, а потомъ въ Варшаву для личнаго свиданія съ Королемъ, коему намѣрена сообщить многіе планы, могущіе послужить къ собственной его и рѣчи посполитой пользѣ, и посему требовала она Античи совѣта и преподанія средствъ къ свиданію.

Античи усмотрѣлъ хитрости ея разговора; ему казалось, что она должна быть воспитана въ Германіи, ибо она говорила хорошо по французски, играла на арфѣ, прекрасно рисовала и показывала большія свѣдѣнія въ архитектурѣ.

Принцесса сія имѣла прекрасный видъ и станъ, прекрасную грудь, бѣлое тѣло, румянецъ на лицѣ, лѣвый глазъ немного косой; имѣла много ума, большія познанія, глубокія свѣдѣнія тогдашнихъ политическихъ системъ, состоянія дворовъ и въ особенности Польши и Сѣвера; прекрасно изъяснялась на французскомъ языкѣ и притомъ съ такимъ искусствомъ и ловкимъ изложеніемъ мыслей, что могла привести въ замѣшательство всякаго не очень осторожнаго.

Вскорѣ Античи уразумѣлъ, что все ея намѣренія клонились къ полученію денегъ, коими она надѣялась поддерживать кредитъ свой; для достиженія главной своей цѣли, она не щадила никакихъ ухищреній и выдумокъ. Въ письмѣ отъ 17 Января она изъясняла: „въ собесѣдованіи моемъ съ вами я нашла въ васъ столько благородства, ума и добродѣтелей, что даже и по сіе время нахожусь въ океанѣ размышленій и удивленія... вчера ввечеру я получила множество писемъ, адресованныхъ ко мнѣ въ Рагузу; въ то же время получила я извѣстіе, что миръ не будетъ ратификованъ. Невозможно вообразить смятеній царствующихъ нынѣ при Портѣ.“—Потомъ она объясняетъ, что намѣрена обратиться къ Польшѣ и что отправить курьера въ Берлинъ,—и продолжаетъ: „Я ничего для себя не желаю, но хочу только имѣть славу возстановленія Польши. Я имѣю къ тому средства, не замедлю доставить королю нужныя суммы денегъ изъ Персіи для веде-

нія войны; съ нимъ соединится и нашъ народъ; что же касается до Короля Прусскаго, я это принимаю на себя, и потому должно о семъ подумать особо! Курьеръ, котораго мы отправимъ въ Константинополь, будетъ имѣть депеши и въ Персію. Увидѣвшись съ королемъ, отправлюсь въ Польскую Украину (*Cosaquie appartenante à la Pologne*), а, ѣдучи въ Польшу, увидаюсь также и съ Королемъ Прусскимъ; на пути же отсюда въ Берлинъ будетъ мнѣ довольно времени надуматься о депешахъ, кои онъ получитъ съ нашимъ курьеромъ: никто сего не будетъ подозрѣвать, ибо все думаютъ, что я отправляюсь въ Германію въ Имперскія земли. Какой бы ни приняли оборотъ дѣла наши, я всегда найду средство воспрепятствовать злу. Небо, поборающее намъ, доставитъ намъ успѣхъ, ежели станутъ намъ помогать; въ противномъ случаѣ я оставляю всехъ, и устрою для себя пріятное убѣжище“.

Письмо сіе заключаетъ она испрашиваніемъ совѣта у Античи и увѣреніемъ, что благодарность ея будетъ вѣчна.

Античи отвѣчалъ 19 Января, что онъ не знаетъ лучше соотвѣтствовать ея довѣренности, какъ чистосердечнымъ совѣтомъ: „И такъ позвольте, чтобъ я вамъ предложилъ избрать то самое намѣреніе, которое я усматриваю въ вашемъ письмѣ, то есть, чтобы, оставя всякіе планы, удалиться въ пріятное уединеніе. Всякое иное намѣреніе покажется для благомыслящихъ людей опаснымъ и даже противнымъ долгу и гласу совѣсти; оно можетъ также показаться химерическимъ или по крайней мѣрѣ источникомъ бѣдствій“.

5-го Февраля Елисавета благодарила его за совѣтъ, хвалила его благоразуміе, проникательность, просила извинить въ причиненномъ ею безпокойствѣ и обѣщала удалиться въ Германію. Античи поздравилъ ее вѣжливо съ предпринятымъ намѣреніемъ.

Изъ оставшихся писемъ, касательно пребыванія ея въ Римѣ, явствуетъ, что она не щадила рассказовъ для поддержанія высокаго о себѣ мнѣнія. Она говорила, на примѣръ, что имѣетъ на Архипелагѣ въ распоряженіи своемъ цѣлый флотъ; что можетъ жаловать кавалерскій Голштинскій орденъ съ инвеститурою богатыхъ командорствъ; что первый министръ Трирскій есть ея великій другъ и предлагаетъ ей свои услуги въ заключеніи трактата о сочетаніи ея бракомъ съ Герцогомъ Голштинскимъ, но при семъ надлежало бы ей согласиться перемѣнить религію и отказаться отъ правъ на всероссійскій престолъ. Говоря о своихъ планахъ, она хвастала, что можетъ доставить блаженство Польшѣ, что оставитъ для Екатерины Петербургъ и уголокъ

Лиоляндскій, что короля Прусскаго постарается усыпить и что ничего не опасается со стороны Австрійцевъ. Въ письмѣ къ графу Орлову изъясняла между прочимъ, что Разумовскій предводительствуетъ частію ея народа подъ именемъ Пугачева и пользуется особенною любовію народною, каковою одушевлены всѣ Русскіе къ законнымъ наследникамъ престола.

Достойны также замѣчанія нѣкоторыя изъ разныхъ о ней заключеній. По словамъ Чіадсея (Чіампи?), происхождение ея знатное; онъ говоритъ, что помнитъ, какъ видѣлъ ея неоднократно въ Императорскомъ дворцѣ въ Петербургѣ, гдѣ онъ служилъ въ военной службѣ, и слышалъ тогда, что она была обручена сыну дяди Петра III, который былъ внукомъ Георгія, Герцога Голштинскаго. Онъ присовокупляетъ, что принцесса сія по смерти мужа и тестя, бывшего Ревельскимъ Губернаторомъ, уѣхала въ Петербургъ и пребывала въ Кенигсбергѣ, куда принуждена была удалиться по причинѣ перемѣны правительства. Другой современникъ, г. Ласкарисъ увѣрялъ, что она дочь Императора Турецкаго. Многіе почитали ее также знатною польскою уроженкою.

Между тѣмъ прибылъ въ Римъ русской службы маіоръ Христіанецкій, одинъ изъ свиты находившагося въ Ливорно графа Орлова и пріѣздомъ своимъ привелъ принцессу въ великое опасеніе. Вскорѣ замѣчено, что недовѣрчивость ихъ обратилась во взаимную пріязнь и что русскій чиновникъ сталъ ее посѣщать очень часто;—потомъ графъ Орловъ освѣдомлялся о ней чрезъ одного Англичанина и въ случаѣ нужды поручилъ ему снабдить ее деньгами на дорогу. Сначала было она отвергнула предложеніе сіе съ негодованіемъ, но послѣ, вслѣдствіе личнаго свиданія съ помянутымъ Англичаниномъ, приняла оное и, уплативъ долги свои, выѣхала неожиданно изъ Рима по утру 11 числа Февраля.

Что съ нею послѣдовало потомъ, неизвѣстно; но 20 Марта писано изъ Пизы о ея пребываніи въ семь городѣ. Въ семь письмѣ сказано, что графъ Орловъ нанялъ для нея квартиру, ѣздилъ съ нею на прогулку и въ театръ, и обходился съ нею почтительно. Никто изъ русскихъ чиновниковъ не садился въ ея присутствіи, если же кто говорилъ съ нею, то, казалось, стоялъ на колѣняхъ. Замѣчено также, что госпожа Демидова (Давидова), до того времени неразлучная съ графомъ, уже нигдѣ болѣе съ нимъ не являлась. Изъ Пизы отправился онъ съ принцессою въ Ливорно, а оттуда, какъ сказывали, въ Бордо, гдѣ, по словамъ нѣкоторыхъ, она была взята подъ стражу Контръ-Адмираломъ

Грейгомъ, а въ Пизѣ велѣно забрать оставшуюся ея свиту. Наконецъ пронесся тамъ слухъ, что Елисавета и сопутникъ ея лишились жизни въ Бордо.

(Изъ дѣла о бумагахъ, оставшихся послѣ кончины Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника 1 класса Князя Александра Николаевича Голицына, 1845 г.; а нынѣ хранятся въ Архивѣ Госуд. Совѣта).

Сообщилъ Графъ С. Д. Шереметевъ.

